

Алиаскарова Ж.А.¹
Allaskarova Zh.A.²

Пашкус В.Ю.³
Pashkus V.Yu.⁴

ФОРСАЙТ VI ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА: ПРОАКТИВНАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПРОВАЛ ПОЛИТИКИ САНКЦИЙ

VI TECHNOLOGICAL ORDER FORESIGHT: PROACTIVE INDUSTRIAL
POLICY AND THE FAILURE OF SANCTIONS POLICY

В работе рассмотрено использование проактивной промышленной политики как нового инструмента повышения конкурентоспособности страны в период санкций. На примере трех промышленно развитых стран показано, что применение санкций губительно и для их инициаторов.

Ключевые слова: VI технологический уклад, проактивная промышленная политика, санкции.

The paper considers the application of proactive industrial policy as a new tool to increase the country's competitiveness during the sanctions period. The example of three industrialized countries shows that the use of sanctions is also destructive for their initiators.

Keywords: VI technological order, proactive industrial policy, sanctions.

Сегодня, когда прямо на наших глазах происходит переход к новому, шестому технологическому укладу, возникает необходимость применения новых инструментов промышленной политики и переосмысления классических методов, на основе которых строятся отношения между странами. В настоящее время для обеспечения высокой конкурентоспособности страны уже недостаточно просто следовать за рынком или даже обгонять его развитие — необ-

¹ Алиаскарова Ж.А., ассистент кафедры экономической теории и истории экономической мысли экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

² Allaskarova Zh.A., Assistant of the Department of Economic Theory and History of Economic Thought, Faculty of Economics, St. Petersburg State University.

³ Пашкус В.Ю., профессор кафедры экономической теории и экономической политики экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, д.э.н.

⁴ Pashkus V.Yu., Associate Professor, Professor of the Department of Economic Theory and Economic Policy, Faculty of Economics, St. Petersburg State University, Ph.D. in Economics.

Александрова Ж.А., Пашкус В.Ю.

нужно учитывать возможность целенаправленного противодействия, причем, при высокой связанности экономических акторов. Что же для этого необходимо? Как показывает опыт России (и еще немало-то количества стран) — проактивная промышленная политика.

Проактивная промышленная политика

По мнению ряда исследователей организационного поведения, проактивность формируется инициативным действием, предсказанием и предотвращением проблем, а также расширением возможностей для роста посредством самостоятельных усилий [Parker et al., 2010]. Проактивная промышленная политика — это политика повышения конкурентоспособности страны, связанная с принятием превентивных мер по опережающей модернизации экономики, предугадыванием действий конкурентов, прогнозированием вызовов, угроз и возможностей. Как справедливо отметил бывший директор международной консалтинговой компании McKinsey Р. Фостер, тот, кто первым сформирует новую парадигму, — получает преимущество атакующего [Фостер, 1987]. Поэтому цель проактивной позиции — обеспечить конкурентоспособность в период так называемого технологического разрыва, когда происходит переход к принципиально новым технологиям [Шипкова, 2022].

В России же поворот к проактивной промышленной политике начал складываться после Мюнхенской речи В.В. Путина, когда стало понятно, что в будущем РФ может лишиться экономической самостоятельности и суверенитета из-за политики коллективного Запада. Так, не создай РФ ГЛОНАСС — отключение России от GPS нанесло бы непоправимый удар по национальной системе навигации¹. Не разработай РФ свою систему передачи финансовых сообщений (СПФС) и платежную систему «Мир» — отключение России от SWIFT обернулось бы не только потерей связи российских банков с зарубежными банками-корреспондентами, но и затруднило бы финансовые операции внутри страны.

Отсюда видно, что проактивная промышленная политика во многом представляет собой экстраординарный (экстремальный) путь развития, который является ответом на ухудшение внешней среды или на форс-мажорные обстоятельства (например, на санкционное давление). От-

¹ Кстати, об опасности подобной монополии задумались не только в России. Свои аналоги GPS создали и в Европе (Galileo), Китае (BeiDou), Японии (QZSS) и даже в Индии (NavIC).

метим, что само санкционное давление в рамках смены технологического укладов представляет собой любопытный феномен. Форсайт нового технологического уклада — уменьшение влияния «зoo» в пользу «ноо». Как отмечает в своей работе С.Д. Бодрунов [Бодрунов, 2018], «зoo» представляет собой чистую рыночную конкуренцию, где экономика предстает своеобразными «джунглями», где выживает сильнейшая. А «ноо» связана, прежде всего, с взаимозависимостью (кооперация, а не только конкуренция) и ориентацией не только на прибыль.

Таким образом, экономика взаимосвязей и взаимозависимостей противостоит экономике чистой конкуренции, поэтому санкции можно трактовать, как попытку «вышибить» конкурента с рынка любой ценой. В этих условиях важно не соблюдение договоров и правил. Главное — убрать конкурента с рынка (сделать так, чтобы «конкурент сдох»). Однако в экономике взаимосвязей плохо работают классические и привычные инструменты. Несмотря на довольно успешный более чем 40-летний опыт санкционного давления на Иран, с Россией подобный фокус не сработал. Не получилась и ее международная изоляция. И причины тому кроются не только в увеличении количества факторов, влияющих на ситуацию, включая переориентацию России на Восток и ее кооперацию со странами БРИКС и членами ОПЕК+. К этому добавляются и проблемы стран, вводящих санкции — неверная оценка, коллаборативная фильтрация, политизированность, не позволяющая учесть ряд значимых факторов и пр.

Провал политики санкций

Так какую же цену заплатили за санкции те страны, которые их вводили? Для ответа на этот вопрос рассмотрим несколько примеров вполне успешных экономик, до этого момента имевших отличные макроэкономические показатели и многолетний высокий экономический рост. Речь, в частности, пойдет о наиболее ярких представителях «азиатских тигров» (Южной Корее и Тайване), чей стремительный экономический рост во многом выстроен на успешной реализации стратегии экспортоориентированного развития, а также о Германии, экс-локомотиве Европы, которая заплатила самую высокую цену за просчеты своего руководства.

Пример Южной Кореи. С 1981 г. Южная Корея экспортировала свою промышленную продукцию в 159 стран. На этом фоне стабильно росли темпы экономического роста, причем, экспортоориентированная стратегия промышленной политики до сих пор не исчер-

пала себя, обеспечивая за последние 30 лет средние темпы экономического роста Южной Кореи на уровне 6,4%. Экономика страны за минувшие 60 лет всего четырежды демонстрировала отрицательный прирост ВВП: в 1981 г. (-1,6%), в 1997 г. (-5,1%), в 2020 г. (-0,7%) и в 2023 (~-2%). И если спад 2020 года объясняется пандемией коронавируса, а спад 1997 года — глобальным финансовым кризисом стран ЮВА (1997–1999 гг.), то спад 1981 года и 2023 года являются по-настоящему знаковыми.

Первый из рассматриваемых экстремумов (1981 год) совпадает с нефтяным кризисом и введением импортных квот со стороны США. Во многом оскутимость этих событий для южнокорейской экономики зависела от ориентации на США, фиксированного валютного курса, привязанного к доллару, а также от высокой степени зависимости местных предпринимателей от решений госаппарата, что подрывало эффективность экономики [Кучумов, Белякова, Еремичева, 2024]. Кстати, оперативное осознание перечисленных просчетов подтолкнуло администрацию тогдашнего президента Чон Ду Хвана (1980–1988) к постепенной либерализации экономики, что позволило исправить ситуацию.

Длительный рост рассматриваемого показателя сменился глубоким спадом уже к началу 2023 года. Во многом такие результаты объясняются существенным сокращением торговых операций с Россией и присоединением Южной Кореи к антироссийским санкциям. Так, несмотря на стабильно высокий спрос РФ на высокотехнологичные южнокорейские танкеры, Сеул блокирует поставки даже готовых изделий, подчиняясь диктату со стороны США. Как и в 1981 г. излишняя ориентация страны на Соединенные Штаты привела к потере значимого рынка сбыта, оставив нереализованными важные технологические преимущества Южной Кореи на мировой арене. Поэтому, на наш взгляд, только осознание перегибов текущего политического курса и повышение политико-экономического суверенитета страны могут позволить ей вернуться к устойчивому экономическому росту.

Изучение опыта Южной Кореи показывает не только общую перспективность экспортоориентированной стратегии промышленной политики, но и значимость своевременного реформирования тех социально-экономических сфер и институтов, которые снижают эффективность развития экономики и общества.

Для еще более наглядной демонстрации этого тезиса обратимся к сравнению результатов экономического развития Южной и Северной Кореи, которые, имея схожие стартовые условия развития, вы-

брали различные стратегии промышленной политики (экспорториентированную и импортозамещающую, соответственно). При этом обе страны имели влиятельных «старших товарищей», оказывавших всестороннюю политико-экономическую помощь (Южная Корея — США; Северная Корея — СССР и Китай), но первая — ориентировалась на максимальное включение в мировую экономику, а вторая — придерживалась принципа автаркии.

Итоги этого более чем 70-летнего «эксперимента» до начала пандемии коронавируса красноречиво свидетельствуют о значительно большей результативности экспорториентированной стратегии (по южнокорейским данным, валовой национальный доход Южной Кореи превышал северокорейский более чем в 50 раз (в 26,5 раз по тому же показателю на душу населения)) и о возросшей за это время отсталости отраслевой структуры Северной Кореи по сравнению с Южной, сделавшей ставку на развитие сферы услуг (табл. 1).

Таблица 1

Отраслевые структуры экономик Северной и Южной Кореи в 2018–2019 годах (% к ВВП в постоянных ценах)

Сектора/отрасли	Северная Корея		Южная Корея	
	2018	2019	2018	2019
Сельское хозяйство, лесоводство, рыболовство	23.3	21.2	1.9	1.8
Промышленность:	29.4	29.6	29.2	27.8
— горнодобывающая	10.6	11	0.1	0.1
— обрабатывающая (А. Легкая)	18.8	18.7	29.1	27.7
(Б. Тяжелая и химическая)	(6.8)	(7)	(4.8)	(4.9)
Электроэнергетика, газ и водоснабжение	(12)	(11.7)	(24.3)	(22.8)
Строительство	5.4	5.4	2	2.1
Услуги:	8.9	9.7	5.9	6
(правительственные)	33	34.1	60.9	62.4
(прочие)	(24.6)	(25.2)	(10.6)	(11.1)
ВВП	(8.5)	(8.8)	(50.3)	(51.2)
	100	100	100	100

Источник: Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2019 // Bank of Korea Press Release. 31.07.2020. P. 3.

Однако после начала специальной военной операции, еще больше подчеркнувшей поляризацию двух соседствующих государств и приоритет политического курса над экономической целесообразностью, ситуация изменилась кардинально. Так, согласно последним

...анным южнокорейской статистики, уже по итогам 2023 года Северная Корея, сделавшая ставку на расширение внешнеэкономического сотрудничества со стратегическими партнерами (прежде всего, с Россией и Китаем), обогнала Южную Корею по всем показателям за исключением сферы услуг и отрасли коммунального хозяйства (табл. 2). В результате по росту промышленного производства Северная Корея превзошла южного соседа без малого в 3 раза, попутно продемонстрировав и более высокие темпы экономического роста.

Таблица 2

Отраслевые структуры экономик Северной и Южной Кореи
в 2022–2023 годах (% к ВВП в постоянных ценах)

Сектора/отрасли	Северная Корея		Южная Корея	
	2022	2023	2022	2023
Сельское хозяйство, лесоводство, рыболовство	-2.1	1.0	0.8	-2.6
Промышленность:	-1.3	4.9	2.4	1.7
– горнодобывающая	4.6	2.6	-9.6	1.3
– обрабатывающая	-4.6	5.9	2.5	1.7
(А. Легкая)	(5.0)	(0.8)	(1.9)	(-2.9)
(Б. Тяжелая и химическая)	(-9.5)	(8.1)	(2.6)	(2.5)
Электроэнергетика, газ и водоснабжение	3.5	-4.7	3.5	-2.9
Строительство	2.2	8.2	0.9	3.1
Услуги:	1.0	1.7	3.8	2.1
(правительственные)	(0.6)	(0.7)	(2.7)	(1.8)
(прочие)	(2.7)	(5.5)	(4.0)	(2.1)
ВВП	-0.2	3.1	2.7	1.4

Источник: Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2023 // Bank of Korea Press Release. 26.07.2024. P. 2.

Таким образом, анализ статистических показателей Северной и Южной Кореи наглядно показывает, что подчинение экономической и промышленной политики господствующему политическому курсу, нарушающее требования экономической целесообразности, приводит к потере даже присущих стране стратегических преимуществ.

Пример Тайваня. Правительство Тайваня сделало ставку на развитие не столько крупных, сколько мелких и средних предпринимателей (с 1980 г. страна перешла к приватизации госпредприятий), которые еще 5 лет назад составляли около 98% всей экономики страны [Восканян, 2020]. Причем 41 из них и сегодня входят в список

2000 крупнейших по капитализации компаний мира по версии Forbes, представляя, преимущественно, такие отрасли, как электроника, финансовые услуги и нефтехимия¹.

Такой скачок от аграрной страны к высокотехнологичной стал возможен благодаря комплексным реформам образования и науки, ставке на человеческий капитал и фундаментальные НИОКР. Более того, до начала СВО Тайвань уверенно входил в ТОП-5 мировых экспортеров станкостроительной отрасли. Однако прекращение поставок оборудования в РФ сыграло со страной злую шутку. Категоричный разрыв торговых отношений с Россией, которая на тот момент была пятым по величине импортером тайваньских станков, окончательно закрепленный в марте 2024 года², привел к тому, что Тайбэй резко потерял свои позиции и больше не входит в число крупнейших экспортеров этой отрасли, а ВВП страны продемонстрировал значительное снижение с 6,5% в 2021 году до 1,3% в 2023 году и 2,05% в 2024 году.

Пример Германии. Бывший «локомотив Евросоюза» уже несколько лет утопает в стагнации. По итогам 2024 года ВВП Германии сократился на 0,2% после снижения на 0,3% в 2023—м. Валовая добавленная стоимость в обрабатывающем секторе в прошлом году снизилась на 3%, в строительстве — на 3,8%, экспорт товаров и услуг уменьшился на 0,8%. Поэтому прогноз экономического роста в 2025 году неоднократно пересматривался и сейчас составляет около 0,3%³.

Очевидно, что столь резкое ухудшение экономических показателей — результат целого ряда факторов, которые носят, в том числе, структурный характер. Это и недостаток инвестиций, и старение населения, и снижение квалификации рабочей силы, и излишняя, вплоть до закрытия последних АЭС, ставка на дорогостоящую «зеленую» экономику. Но главные факторы, конечно, связаны с крахом прежней модели дешевых энергоносителей и ужесточение конкуренции с Китаем, который из рынка сбыта немецких товаров превратился в ключевого поставщика. «Китайская индустрия теперь производит те же товары, что и Германия, и ее экспортоориентированный рост съедает долю у европейских и глобальных экспортных рынков ФРГ» [Tordoir, Setser, 2025].

¹ Forbes 2024 Global 2000 List. URL: <https://www.forbes.com/lists/global2000/> (date of treatment: 05.11.2024).

² Тайвань объявил о прекращении поставок станков в Россию. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/11/2024/672770549a794723d2f2c9ec?ysclid=m34k1lrdt424265570> (дата обращения 25.11.2024).

³ Gross domestic product down 0.2% in 2024. URL: https://www.destatis.de/EN/Press/2025/01/PE25_019_811.html

Так, из-за прекращения прямого импорта российского газа в 2022–2023 годах произошел ощутимый всплеск цен на электроэнергию, из-за чего немецким производителям стало выгоднее закрывать производства, перенося их в более благополучные в этом отношении страны (прежде всего, в США и Китай). В результате по итогам 2023 года доля немецких промышленников, рассматривавших возможность переезда, составила уже 32%¹. Кроме того, по стране прокатилась целая волна банкротств. По прогнозам немецкого Института экономики, по итогам 2025 года их количество может дойти до рекордной отметки в 25,8 тыс. В целом же за последние годы в стране закрылось более 176 предприятий. Особенно пострадали энерго- и газоемкие отрасли, включая химическую промышленность и машиностроение. В частности, из-за колоссального роста себестоимости и конкуренции с российскими компаниями стали массово закрываться местные производители удобрений.

Дискуссия

Существуют определенные ограничения исследования, к которым можно отнести несовершенство статистической базы (использовались национальные источники, достоверность которых вызывает определенные сомнения) и анализ только макроэкономических показателей, хотя отличные результаты дает, например, показатель технологичности экспорта.

Заключение

Огромные усилия коллективного Запада по развитию санкционной политики можно трактовать, как одно из ярких противоречий Зоо/Нoo. Как показала практика, несмотря на более чем 19,5 тыс. антироссийских санкций такая попытка зоо-политики по отношению к России приводит к убыткам и проблемам для стран ее вводящих. Современная «эпоха санкций» является следствием «зоо-тренда» и ее провал связан не только с успешной проактивной промышленной политикой России, но и с отказом других стран учитывать связанность глобальной экономики, что можно отнести к особенностям становления VI технологического уклада. Взаимозависимость субъектов глобальной экономики приводит к проблемам тех стран, которые выступают с поддержкой санкций. Что сближает правительство Юж-

¹ MUSE_Financial_Statement. URL: https://www.mufgemea.com/Images/mufg/MUSE_Financial_Statement_2023_final.pdf

ной Кореи, Тайваня и Германии — так это неготовность к признанию ошибок текущего политического курса и к нормализации отношений с РФ. Поэтому рецепт выхода из рецессии как для корейской, так и для немецкой экономик все еще не найден, хотя и лежит на поверхности и подразумевает возврат к более дешевым энергоресурсам.

Автаркия и отказ от собственных преимуществ ради «политических дивидендов» у стран коллективного Запада могут подорвать даже исходно крепкую экономику (как это произошло с Тайванем и Южной Кореей). Как показала современная практика — за русофобию (как и за любую другую политику, оторванную от экономических реалий) нужно платить. И такие экспортоориентированные страны, как Южная Корея и Тайвань, и даже одна из крупнейших промышленных стран мира — Германия, наглядно продемонстрировали обоснованность данного положения.

■ Список литературы

1. Бодрунов С.Д. (2018). Нооиндустриальное производство: шаг к неэкономическому развитию // Экономическое возрождение России. №1. С. 5–15.
2. Восканян М.А. (2020). Опыт экономических реформ «азиатских тигров»: факторы успеха // Journal of New Economy. Т. 21. №2. С. 24–44.
3. Кучумов А.В., Белякова Н.В., Еремичева П.Ю. (2024). Инновационная составляющая в структуре интеллектуального потенциала Южной Кореи // Проблемы современной экономики. №3. С. 144–147.
4. Фостер Р. (1987). Обновление производства: атакующие выигрывают / пер. с англ. В.И. Данилова-Данильяна. М.: Прогресс. 272 с.
5. Шипкова О.Т., Акимова Е.Н., Шатаева О.В. (2022). Инструменты планирования и принятия решений в условиях глубокой неопределенности как основа проактивной позиции экономического субъекта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. №2. С. 127–141.
6. Parker S.K., Bindl U.K., Strauss K. (2010). Making Things Happen: A Model of Proactive Motivation // Journal of Management. Vol. 36. No. 4. P. 827–856.
7. Tordoir S., Setser B. (2025). How German industry can survive the second China shock. URL: https://www.cer.eu/sites/default/files/pbrief_ST_BS_china_shock_16.1.25.pdf.